

ЦЕНА СВОБОДЫ

Размышления ко Дню Победы

Петр Александров-Деркаченко

- *военные потери* • *семейная история* • *Победа*
- *фальсификации истории* • *история повседневности*
- *дети войны*

Внаши дни мы все чаще и чаще становимся свидетелями общественных и политических дискуссий и споров, на которых обсуждается роль Советского Союза во Второй мировой войне, причины начала войны, упущенные возможности ее предотвращения или возможности ее иного развития, роль военного и политического руководства в подготовке или ведении войны, способы, которыми эта война велась, и многое другое. И все чаще и чаще звучит выражение «цена Победы».

Это красивое выражение, позаимствованное из известной песни, достаточно прочно укореняется в общественном сознании и ассоциируется, по понятным причинам, с теми жертвами, которые понес наш советский народ в Великой Отечественной войне. (Говоря о «нашем советском народе», я во-

все не стремлюсь игнорировать сегодняшнюю реальность, просто я считаю невозможным допускать разделение Победы на современные национальные и республиканские образования, также, впрочем, как невозможно разделить и жертвы, которые предшествовали Великой Победе: общая была война, общая была Победа). В Советском Союзе не было семьи, размеренную жизнь которой не покaleчила бы трагедия сороковых. Кто воевал, кто трудился, а кто просто — выживал. Игнорировать принесенные жертвы кощунственно и, по моему глубокому убеждению, недопустимо.

Фактор присутствия в нашей научной, общественной и политической жизни темы принесенных советским народом жертв является в высшей степени благоприятным. Он способствует сохранению и развитию исторической памяти и, пожалуй, является одним из важнейших критериев цивилизованности нашего общества.

Что же касается выражения «цена Победы», то такая постановка вопроса, на мой взгляд, является в значительной степени провокаци-

онной, поскольку позволяет рассматривать т.н. цену Победы как чрезмерную, а следовательно, позволяет поставить под сомнение необходимость этой Победы. Мне кажется, что с исторической точки зрения было бы более справедливо рассматривать проблему оценки наших человеческих потерь скорее как цену, которую наш народ заплатил за свободу нашей страны и стран остальной Европы. Именно Европы. Ведь нельзя всерьез рассуждать о Европе как отдельной от нас части суши или тем более цивилизации. Это совершенно некорректно — и с географической точки зрения, и с исторической, и с культурологической, и даже с христианской, а уж с точки зрения нашей Победы во Второй мировой войне — тем более.

Действительно, в разные времена военные лидеры по-своему оценивали потенциальную цену победы и в зависимости от ее величины принимали соответствующие решения. Соответственно, эти решения оценивались потомками. Скажем, если эта победа позволяет сравнительно допустимыми жертвами положить конец Гражданской войне между северянами и южанами, восстановить единство Соединенных Штатов и сохранить демократический строй на всей территории государства, то она конечно оправдана. Если же эта победа ценой огромных жертв позволяет остаткам наполеоновских войск войти в горящую Москву, чтобы оттуда начать свое бегство, в результате которого рассыпается не только армия, но и целая империя, то такая победа недопустима и за ней не стоит ничего, кроме тщеславия одного авантюриста.

Другое дело — свобода. Свобода как возможность жить. Свобода как возможность развиваться, ошибаться, исправляться, но главное — как возможность оставаться самим собой. В этом отношении цена свободы — это не то же самое, что и цена победы.

Вопрос о том, принесло ли освобождение Советской армией стран Европы свободу для этих стран или нет, для меня лично — вопрос риторический. Мы все прекрасно знаем, как по-разному европейские общественные деятели обсуждают заслуги Советского Союза в том, какой Европа стала сегодня, и то, какой она могла бы быть. Однако сам факт возможности такого обсуждения не был бы

возможным, если бы Советская армия остановилась в 1944 г. на своих рубежах, и тем более — если бы гитлеровские полчища не гибли в течение трех лет на нашей земле.

А теперь я бы хотел вернуться к главному вопросу.

Так какова же была цена, которую мы заплатили за свободу? История любит точность, а точность — это беспристрастный анализ фактов, документов и параметров. В какой-то степени это рутинный подсчет параметров, показателей и статистики, чем мы сейчас и займемся.

Сколько мы заплатили

Сразу после окончания войны Сталиным была названа цифра потерь советского народа: 7 000 000 человек. Она, конечно, никак не соответствовала реальности понесенных потерь страной, в которой война затронула каждую семью. После этого, уже в 60-е годы, Хрущевым была названа цифра в 20 000 000 погибших, которая и стала общепринятой впоследствии. Затем, 8 мая 1990 г., на торжественном заседании Верховного Совета СССР, посвященном 45-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, прозвучало: «около 27 000 000 человек».

Такая огромная цифра потерь, разумеется, никого не может оставить равнодушным, тем более что еще с советских времен фигурировали гораздо меньшие числа потерь немецких — от 4 500 000 до 9 000 000 человек. Из подобных сравнений, очевидно, и проистекает печальный вывод, что Красная армия попросту «закидывала» вермахт телами советских ребят.

На мой взгляд, для подлинного осознания нашей Победы мы в равной степени должны точно себе представлять как итоговые цифры потерь с обеих сторон, так и то, из чего эти цифры складывались. Однако сделать это до недавнего времени было затруднительно, поскольку западные источники достаточно разнились, а советские были не до конца открыты для изучения.

Сейчас ситуация изменилась. Не так давно вышел в свет первый в советской и российской истории детализированный статистический сборник о потерях в Великой Отечественной войне. Долгожданное издание основано как на открытых, так и на закрытых прежде архивных документах Генерального штаба, главных штабов Вооруженных сил, ФСБ, других многочисленных архивах бывшего СССР, а кроме того — учитывает подобную статистику других участников Второй мировой войны.

Перейдем к существу вопроса.

На основании приведенных в исследовании данных мы можем узнать, прежде всего, общее число военнообязанных и призывников на территории Советского Союза (подчеркнем — не только граждан СССР, но всех, кто сражался на нашем фронте во время войны). И число это, на мой взгляд, говоря о Великой Отечественной, временами стоит произнести полностью: тридцать один миллион восемьсот двенадцать тысяч сто пятьдесят восемь человек. В цифрах — 31 812 158 человек. Вернемся к этому позже.

Теперь — о наших потерях. Общие людские потери нашей страны, по уточненным данным, составили двадцать шесть миллионов шестьсот тысяч человек. 26 600 000 человек. Число это представляет, что называется, демографическое сокращение численности населения нашей страны в результате войны. Оно не учитывает, разумеется, выживших после ранения, вернувшихся из плена и т.д. Это — сокращение численности нашего народа. Наша потеря — в самом трагичном значении этого слова — безвозвратна. Из чего складывается эта цифра?

Численность советского населения на 22 июня 1941 года составляла 196 700 000 человек. На 31 декабря 1945 г. она уменьшилась до 159 500 000 человек. Разница налицо: 37 200 000 человек. Из нее необходимо вычесть естественную убыль населения для мирного времени, исходя из обычной для предвоенных лет смертности, которая составила бы 11 900 000 человек. Но не следует забывать о количестве советских детей, умерших во время войны от истощения: 1 300 000 человек. Таким образом: 37 200 000 + 1 300 000 — 11 900 000 = 26 600 000 человек.

Эта страшная цифра сегодня уже не может быть пересмотрена, подвергнута сомнению или замолчана. Она является общепризнанной на самом высоком научном и политическом уровне, включая международный.

Весьма часто она приводится в сравнении с безвозвратными демографическими потерями Германии, которые (вместе с ее сателлитами) составили 11 900 000 человек, на основании чего сразу же делаются выводы о «безопасности советского руководства», «закидывании врага телами» и тому подобном. Подчеркнем, однако, что здесь мы сравнили именно безвозвратные демографические потери всего населения Советского Союза и германского блока. Теперь сравним безвозвратные потери вооруженных сил, благо в наши дни эта информация стала доступной.

Итак. С момента нападения на нашу страну 22 июня 1941 г. войска Германии, а также ее союзников Венгрии, Италии, Румынии, Словакии и Финляндии потеряли погибшими и умершими от ран 6 771 900 человек (из них, собственно, Германия — 5 965 900 человек, остальные — 806 000 человек). Противостоящие этой армаде советские вооруженные силы потеряли 8 744 500 человек. Таким образом, соотношение безвозвратных демографических потерь вооруженных сил германского блока и советских вооруженных сил составляет 1:1,29.

Если же мы будем учитывать общие потери (включая попавших в плен), то картина будет следующая. Потери гитлеровцев — 10 344 500 человек, наши потери — 11 520 200 человек. Итоговое соотношение составляет 1:1,1.

Эти два соотношения весьма наглядны и говорят сами за себя. Действительно, общие военные потери были вполне сравнимы, ни о каком организационном превосходстве германской военной машины, которому мы всю войну якобы противостояли пресловутой «горой трупов», говорить не приходится. Просто первую половину войны наши потери были больше немецких потерь, вторую половину — наоборот. Если в первые годы войны наши армии гибли охваченные немецкими танками в «котлы», то затем уже мы окружали и уничтожали немцев своими танковыми армиями. Таким же образом мы перехватывали господство в воздухе,

также переламывали превосходство в вооружении.

Возможна — подчеркнем — возможна также еще одна коррекция. Дело в том, что немецкая статистика не учитывала потери из числа коллаборационистов — т.н. добровольцев. Так появились воинские формирования из числа французов, голландцев, датчан, норвежцев, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван и пр. Примечательно то, что потери этих соединений немцами не учитывались, а включались в разряд потерь Советского Союза (молдаване, украинцы, прибалты) и союзников (французы). Таким образом, соотношение — на наш взгляд — стремится скорее к 1:1,05. Хотя доказать это пока затруднительно...

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Соотношение общих потерь (1:1,1) явно меньше, чем соотношение безвозвратно демографических потерь вооруженных сил (1:1,29). В чем здесь причина?

Ответ очевиден. Из 4 376 300 человек гитлеровского блока, попавших к нам в плен, после войны мы вернули домой 3 572 600 человек. Остальные 579 900 человек умерло от обморожения, болезней и пр. (чего стоит одна Сталинградская битва, когда пленных зачастую не могли довести даже до спецсоставов, настолько они были измождены и слабы). Из 4 559 000 советских пленников домой вернулось только 1 836 000 человек. В концлагерях погибло 2 772 400 человек. То есть при примерно равном числе пленников отношение к ним было кардинально разным.

Несмотря на то что Советский Союз формально не был участником Женевской конвенции о военнопленных, он соблюдал

ее и старался сохранить жизнь пленным гитлеровцам. Несмотря на то что Германия формально из конвенции не выходила, наших пленных за людей не считали и изводили, как животных.

Сейчас самое время вернуться к тем подсчетам, с которых мы начинали.

26 600 000 советских людей погибло в ту войну. Но потери вооруженных сил, как мы видели, составляют всего 8 744 500 человек. Откуда такая разница — 17 855 500 человек?

Ответ мы получаем, что называется, из первых рук.

Адольф Гитлер: «Частью нашей борьбы должно стать уничтожение России... Простого захвата территории недостаточно... Целью является уничтожение людских ресурсов России».

Генрих Гиммлер: «Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры, в ином смысле это меня не интересует. Погибнут или нет от изнурения при создании противотанкового рва 10 000 русских баб, интересует меня лишь в том отношении, готов ли для Германии противотанковый ров».

Наши потери в этой войне многократно превышают немецкие не потому, что мы не умели воевать с вермахтом, как рассуждают сегодня некоторые «диванные стратеги», а потому, что мы воевали именно с ВЕРМАХТОМ. Гитлеровцы же воевали со ВСЕМ нашим населением — с мужчинами, женщинами, стариками, детьми — со всеми, без исключения. Потому и потери среди мирного населения с нашей стороны вдвое больше потерь боевых.

Равного числа потерь с обеих сторон быть не могло, поскольку Советская армия не сжигала население немецких деревень в сараях, не устраивала искусственного голода в немецких городах, не перевозила пленников в машинах-душегубках, не травила немцев газом в концлагерных блоках, не ставила на немецких пленников чудовищных опытов.

Сколько же погибло мирных жителей Германии? По самым завышенным данным (они

принадлежат немецкому исследователю Рудольфу Раммелю) в Германии от советских бомбежек, артиллерийских обстрелов и в целом на территории, оккупированной Красной армией, погибло около 469 тысяч гражданских лиц. Это с учетом кровопролитных Битв за Берлин и Кенигсберг, в которых, пока Германия не капитулировала, жертвы среди невоенного населения были неизбежны. И с учетом преждевременно умерших от болезней в трудных военных условиях. Конечно, эти цифры несравнимы с потерями среди мирных жителей Советского Союза. Они доказывают, что у нашей страны не было целенаправленной программы возмездия, не было желания свести счеты с немецким народом. А солдаты и офицеры Красной Армии, в отличие от гитлеровцев, не имели бесчеловечных инструкций по уничтожениям и репрессиям в отношении гражданского населения. Хотя поводов для «мести» у наших воинов, в отличие от немцев в 1941 году, имелось немало. Для сравнения скажем, что по данным того же Раммеля, в результате гитлеровских репрессий в годы войны были уничтожены 762 тысячи граждан Германии и 133 тысячи граждан Австрии, которых приравнивали к немцам. А от британских бомбежек погибло около 400 тысяч немцев.

И вопроса о том, стоило ли платить за свободу такую большую цену, для нашего народа тогда не существовало. Вопрос заключался в том, как скорее остановить наше уничтожение.

За что заплатили

Вспомним, что представляла собой Европа до июня 1941 г.

Великобритания была обороняющимся островом, Лондон и другие крупные города регулярно тушили пожары от ночных бомбардировок. В Югославии продолжалась партизанская война.

Франция, Дания, Норвегия, Польша, Чехия, Греция, Югославия были лишены своей государственности и оккупированы, а в Испании, Италии, Венгрии, Словакии, Румынии были установлены диктатуры. Во всех этих странах

были ликвидированы гражданские общества. Отсутствовала свобода передвижения, свобода слова, свободное денежное обращение. В оккупированных странах все экономика была подчинена экономическим интересам Германии. Экономические связи между неоккупированными странами позволялись, лишь если они не противоречили экономическим интересам Германии.

Более двадцати миллионов человек трудились на принудительных работах в Германии. Концлагеря, построенные по всей Центральной Европе, работали регулярной фабрикой смерти, и до настоящего времени точно неизвестно, сколько миллионов людей было в них задушено, сожжено и уничтожено. Планомерно уничтожалось все еврейское население Европы — «окончательно решался еврейский вопрос».

Немецкая тайная полиция гестапо опутала своей сетью все европейские страны, проникнув даже в нейтральные Швейцарию и Швецию. Гитлеровская служба безопасности контролировала жизнь людей большинства европейских стран. Германская армия многократно превосходила по своему вооружению, численности и организованности армии Великобритании и Соединенных Штатов и была способна к решению любых задач на всем континентальном театре военных действий.

Можно ли назвать такую Европу свободной? Нет. Какие же были у нее перспективы? Полагаю, учитывая возрастающую военную, техническую и экономическую мощь рейха, — перспектив не было вовсе. Это был бы не теоретический, а самый что ни на есть практический конец Европы.

И какой Европа стала после нашей Победы?

После Победы в каждой европейской стране государственным языком снова стал их родной язык. Свои национальные органы власти, свои национальные академии наук, национальная промышленность, национальный кинематограф — национальные, одним словом, но не оккупационные. Кстати, я имею в виду и союзные республики СССР — Украину, Белоруссию, Латвию, Литву, Эстонию и Молдавию.

Отдали свои жизни за освобождение Польши 600 212 человек, Чехословакии — 139 918

человек, Венгрии — 140 004 человек, Румынии — 68 993 человек, Австрии — 26 006 человек, Югославии — 7 995 человек, Норвегии — 3436 человек, Болгарии — 1000 человек. Всего — 1 099 465 человек убитыми и еще 2 270 405 человек ранеными, контужеными и обмороженными¹.

Притом, несмотря на то что за освобождение Польши отдали жизни, как указано выше, 600 212 человек, на ее территории покоятся 1 769 283 человека². Почему? Потому что на территории Польши было замучено много наших пленных и еще потому, что после войны территория Польши значительно расширилась. В том числе после советского подарка в виде бывших немецких территорий, или — как признают сегодня даже самые отъявленные русофобы — «после обмена отсталых сельских районов на востоке на богатые промышленные и приморские земли, ранее принадлежавшие Германии»³. И захоронения наших солдат являются прекрасным объяснением, сколько было заплачено, в частности, за новые границы свободной Польши и — кем.

Сегодня мы живем в прекрасное время, когда на наши дома с неба не падают бомбы, наши матери не получают похоронок на наших отцов, а на руках наших детей не выжигают лагерные номера. Мы зарабатываем себе на жизнь, строим дома, смотрим любимые фильмы и ездим отдыхать в разные страны.

Я очень советую, когда вы путешествуете по европейским городам, любуетесь их дворцами, улочками и фонтанами, заходя в картинные галереи и магазины, или когда вы просто смотрите на местную детвору — веселых мальчишек и девчонок, таких же веселых, как у нас в России, задумайтесь на мгновение — какой ценой оплачена эта свобода жить счастливо. И кем она оплачена.

Не стоит забывать вечную истину, что «история никого ничему не учит, но она всегда наказывает тех, кто не усваивает ее уроки». **НО**

¹ См. «Российская газета». 12.05.2005.

² См. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Под. общ. ред. Г. Ф. Кривошеева и А. В. Кирилина. М., 2010. С. 379.

³ См. Н. Дэвис. Сердце Европы. М., 2010. С. 93

КАНОНИЦА

*Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряди в платок.
Что тебе снится, родная каноница?
Где твой избранник израненный слёз?*

*Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой оружийный затих?
Где же погиб твой веселый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?*

*Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.*

*Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея,
Ты — словно Бога земная хвала.*

*Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты приходящих молитвенный тыл.
Вечер пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.*

Александр Орлов